

Кристијан Ристич

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ БУДУЩЕЕ СЕРБИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ (ЕАЭС)

Развитие новых технологий способствует сокращению экономического „времени жизни“ произведенных товаров, выражающемуся в их устаревании в условиях мировой конкуренции. Сокращение рыночного возраста продукции предполагает более быструю реакцию в проведении экономической политики и приспособление производственных систем без осуществления дополнительных капиталовложений в новое оборудование. В условиях конкуренции исследование и развитие рынка сегодня становится континуируемым процессом поддержания многовариантности конкуренции, способствующей изменениям относительной экономической мощи национальных экономик и вынуждающей адаптироваться к новым условиям. В этом контексте весьма важным является приспособление экономического механизма структурной стратегии Сербии к процессам евразийской интеграции как единственному спасительному лекарству для сербской экономики.

Ускоренный процесс диффузии технологий, как правило, способствует возрастанию конкурентной борьбы между отечественными и иностранными „пришельцами“ на рынке технологических изобретений. Любая местная технология, сопровождающаяся протекционистическими мерами и устранением иностранных технологий ведет страну к исключению из потока конкурентного взаимодействия, т.е. к изоляционизму и отставанию. Ограничения в импорте при таких условиях представляют собой излишнюю защиту внутренней экономики от введения новой, замещающей продукции и атакуют симптомы быстрых изменений в хозяйственной структуре. Имеющие место тенденции к экономическому национализму, опирающемуся на традиционные концепции поддержки вывоза и ограничения ввоза, ведут только к кажущемуся улучшению состояния в производственной сфере и росту занятости. Такой подход в принципе подрывает многостороннее экономическое сотрудничество и ведет к постепенному отставанию, что и имеет место в Сербии. Подключение к ЕАЭС является спасением в экономическом и финансовом смысле, как институционально и структурно, так и развивающе, особенно для страны длительное время пребывающей в состоянии финансовой рецессии и безвыходном положении.

Трансформация производственных процессов под натиском эксплуатации технологии и сжимания времени означает, что предприятия

должны изучать и следить за развитием своих настоящих и будущих конкурентов. Следует использовать возможности кооперирования нескольких партнеров, чтобы не допускать возможности появления неожиданностей и развивать способность к быстрой адаптации. Поэтому планирование изменений в стратегии развития предприятий (микро-аспект) и экономики (макро-аспект) становится наиболее жизненным сегментом увеличения конкурентоспособности. Однако, планирование изменений требует и планирования рисков, через диверсификацию продукции, рынки сбыта, исследование и развитие, финансовое обеспечение. А этому сербским хозяйственным субъектам, предстоит научиться. Рынок БРИКС в этом контексте исключительно важен, с точки зрения реиндустриализации и инфраструктурного развития, так как открывает новые перспективы и возможности для развития сербской строительной и аграрной промышленности.

Скорость технологических изменений и вызываемая на них реакция промышленных предприятий и экономики в целом, как правило, превосходит возможности национальной экономической политики по управлению структурной адаптацией к существующим регуляционным механизмам. Правительства уже сегодня вынуждены к сотрудничеству, направленному на улучшение макроэкономических условий, стимулирующих инновационную технологическую деятельность. В перспективе, следует заняться консультационным обеспечением вопросов совместимости технологической и экономической политики. Развитие транснациональной кооперации между правительствами, предприятиями и исследовательскими учреждениями создает возможность для рационального и эффективного осмысления ценности и пользы международного сотрудничества в области формализации технологической и экономической политики, способствующей ускорению развития, внедрению инновационных процессов и облегчению структурной адаптации. Творцы сербской экономической политики должны иметь это в виду. Сербия, со своим аграрным и туристическим потенциалом, должна следовать российской долгосрочной экономической стратегии промышленных ресурсов, являющейся глобальным стержнем тнз. Путинской макроэкономики.

Технологическое развитие представляет собой единственный путь повышения конкурентоспособности и снижения зависимости от причуд глобальных экономических процессов. В настоящее время центр тяжести перемещается с ценовой и сбытовой конкуренции на конкурентность в сфере создания новых видов продукции и новых производственных методов. Повышение технологического потенциала создает возможность для преодоления разрыва в конкурентоспособности, однако сербское

руководство еще не осознает этого в достаточной степени. В сотрудничестве с Россией новые технологии очень быстро бы достигли до сельскохозяйственной промышленности, специализированных отраслей, энергетики, транспортной инфраструктуры, как важная предпосылка восстановления и ускоренного экономического развития.

Новые технологии способствуют трансформации сферы услуг, особенно благодаря прогрессу в области информационных технологий. Компьютеризированные телекоммуникационные системы уже консолидируют различные виды услуг. Но следует создавать небольшие инновационные предприятия по оказанию услуг, используя тот же механизм, а не блокировать развитие малого бизнеса, како это делают налоговые власти в Сербии. В этом контексте сербские органы налогообложения должны приоритетно поддерживать развитие инновационных предприятий и малого бизнеса, экспортно-ориентированных на страны ЕАЭС и, особенно, Россию, развивая тем самым мощности строительной и аграрной промышленности, в том числе и инфраструктуры.

Приспособление производственных процессов к требованиям новых технологий приводит к редукции спроса на рабочую силу, даже в случае повышения существующих объемов производства. Вместе с роботизацией технологического процесса появляется и проблема технологического излишка рабочей силы, что следует вовремя учитывать в процессе разработки новых мер экономической и финансовой политики Сербии, особенно в процессе приватизации в период транзиции. Проникновение российских „гигантов“ в сам процесс приватизации в Сербии способствовало бы увеличению притока российского капитала, без необходимости впадения в дополнительные долги, и роста занятости в целом по стране и на территориях размещения российских производственных мощностей.

Новые технологии предполагают появление и новых видов образования и специальностей, которых не было раньше. Что требует разработки новых концепций в образовании и программах переквалификации работающего и неработающего населения, вследствие того, что знания быстро деградируют и происходит острая поляризация между ведущими специалистами руководящих слоев и непосредственными исполнителями технологических процессов. В процессе ревизии политики „производства высококвалифицированных кадров“ это должно дойти до сознания тех, кто привел к деградации модель сербского образования. В этом плане можно размыслить и о возможном замещении тнз. Болонского процесса (произведшего результат под названием „ни знания, ни звания“) российской моделью образования, соединенной с образовательными достижениями стран

БРИКС и с будущим профилем кадрового менеджмента Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В условиях технологических инноваций „личные доходы“ больше не является основным мотивационным фактором продуктивности. Более активное отношение работников к предприятию предполагает возможность и потребность в приобретении ими акций предприятия, повышая тем самым их ответственность за успешность работы предприятия, т.е. за его прибыль. Это следует применить и у нас в Сербии, вместе с изменениями экономической и политической системы. А сделать это необходимо вследствие того, что мировые цены и балканские личные доходы не стыкуются, так как мировые цены являются налогооблагающим фактором балканских личных доходов, препятствием продуктивности, деградатором мотивации к работе, препятствием в распределении, основывающемся на деловом успехе. Сербия является не местом возвращения к рыночным механизмам распределения, а средой для расцвета политики, основывающейся на поощрении ущербной уравниловки и огромной разницы в социальном положении. Такую политику следует оставить позади и развернуться навстречу политике распределения, применяемой в странах евразийской интеграции, в которых заработные платы и пенсии стабильны и не подлежат проводимой МВФ „политике срезания“, как условия получения новых кредитов.

„Сотрудничество“ Сербии и ЕЭАУ в области новых технологий открывает новую перспективу, обеспечивающую ускорение экономического развития, реструктуризацию сербской экономики и вписывание в механизм евразийских торговых потоков. Это предполагает приток новых инвестиций в развитие новых технологий, „совместные“ вложения в проекты европейского значения, подключение к российскому рынку капитала, выкуп внешних долгов на вторичных рынках, транспарентную взаимосвязь динара с валютой БРИКС в рамках монетарной системы ЕЭАС, либерализацию внешней торговли, отказ от „политической“ защиты внутренней экономики от зарубежной конкуренции, устранение монополии экономических субъектов на внутреннем рынке и обращение к политике формирования эффективного и рационального, единственного сербского рынка. Сербии следует хорошо изучить опыт БРИКС в области туризма, сельского хозяйства, транспорта, инфраструктуры, индустриальных технологий и роботизации, внешней торговли и рыночной конкуренции, науки, образования и услуг, а также опыт в области формирования и ведения экономической и финансовой политики страны, для того, чтобы со знанием и основательно „прикрепиться“ к процессам евразийской интеграции (а не дремать в „сумке-кенгуру“ вечных транзитивных стран, придерживаясь теории „развития в обратном направлении“). В этом контексте, для Сербии исключительно важна

институционализация нового Евразийского монетарного фонда и нового Мирового банка, которая сможет „ресетовать“ процесс сербской экономической транзиции и национальную идентичность без кредитного рабства и шантажирующих финансовых договоров. Таким образом Сербия смогла бы освободиться от глобального неолиберального зла империалистической мускулатуры.

Сербский рынок сегодня не подразумевает свободного перемещения товаров, рабочей силы, капитала, знаний и информации, ни здоровой конкуренции и полной реализации „закона ценностей“ и экономических закономерностей тнз. рыночного производства. Она, по сути, и невозможна, до тех, пока не прекратится „договоренная“ поддержка тнз. гигантов сербской экономики, пока предприятия не станут автономными хозяйственными субъектами, работающими по принципам предпринимательства и рисков, пока прибыль не станет мотивом и критерием успешности экономической деятельности и пока не начнет функционировать единая направляющая система хозяйственного развития, единая система цен и единая налоговая и монетарно-кредитная система и т.д. Экономическая реформа должна выдержать этот экзамен, так как цена высока (особенно если учитывать, что нашу систему никто не желает купить – ни запад, ни на восток). Сербия, при таких обстоятельствах, имеет возможность посредством реформ приключиться к тнз. социальной рыночной экономике, которая включает в себя рыночные закономерности, социальную справедливость, традицию и идентичность. Сербии следует формировать рыночную среду с человеческим лицом, ибо ей интеграционная форма ЕЭАС позволила бы привести в действие сербский православный код: „не жди и не разбрасывайся“ – так что, ни влево, ни вправо, а только вперед.

Существующая налоговая система это неспособная система. Но эта неспособная налоговая система способна лишать способностей и самых способных хозяйственных субъектов, разорять сербский рынок, защищать „национальную экономику“, ввозить и вывозить наметнутое путем экономического обмена, исчерпывать покупательную способность населения, генерировать инфляцию и все больше отодвигать пункт использования доходов от пункта их создания. Системные меры и на этом поле достаточно слабы. Таким образом, Сербия по-прежнему остается без гармоничной системы налогообложения. Ориентация на экономическое и финансовое сотрудничество с Россией и со странами – будущими членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и БРИКС подразумевает и адаптацию сербской налоговой системы и банковского сектора, в смысле структуризации налогообложения в сфере экономики и банковского финансирования процессов устойчивого развития.

И наконец, удешевление государства путем сокращения расходов на содержание административного аппарата является составной частью антиинфляционной политики. Поэтому исходным пунктом политики удешевления государства „динозавров“ должна стать дерегуляция экономической жизни (так как “излишнее администрирование в настоящее время напрямую блокирует жизненные силы общества) и дебиюрократизация общества. В период постсоциализма, будущее не должно принадлежать политико-партийной бюрократии, поскольку она не служит интеллигентному государству, а иррациональным государственным структурам. Бюрократические государства это расточительные государства, служащие для господствования, а не для освобождения „производительных“ сил знания. В этом состоит тайна духа бюрократии – злейшего врага рынка и рисков и неисправимого сторонника авторитета и иерархии в экономике и обществе. Однако, процесс дебиюрократизации общества должен сопровождаться процессом дерегуляции, как составной частью политики развития, освобожденной от нормативной коррекции. Таким образом, реприватизация государственного сектора, демонтаж социального государства и дерегуляция представляют собой новые вызовы. Сербия должна следовать новым глобальным тенденциям, если желает подготовиться к тому, чтобы в 2015 году окончательно определиться в своей будущей экономической и финансовой политике и внедриться в структуры БРИКС. Без этого Сербия может остаться далекой периферией со своей политикой развития в обратном направлении, „оазисом нищеты“ и балканским „синдромом кукурузной каши“ с ностальгичными политико-выборными трубочками. Сербия должна освободиться от западного хозяйственного и банковского вируса, который своим ежедневным давлением на сербскую политико-экономическую сцену распространяет иллюзию неолиберализма, соединенную с религией прибыли, лишенной социальной справедливости православного кода.

В сфере международной торговли для Сербии исключительно важно вовремя дистанцироваться от американского доллара и перейти к „нефтяному“ рублю и таким образом избежать новые удары глобального экономического кризиса. Путин уже предложил, чтобы Россия и Китай в будущем расчеты и платежи в международной торговле вели в национальных валютах, а не в долларах США. Торговля нефтью и газом в будущем осуществлялась бы в рублях. В процессе устранения монополии доллара, Россия собирается учредить региональный инвестиционный банк, который бы осуществлял кредитирование в рублях (как для стран БРИКС, так и для Сербии). Параллельно были бы созданы валютные зоны стран БРИКС (китайский юань, бразильский реал, индийская рупия), что очень

важно для развития Сербии. Формирование нового финансово-экономического устройства мира отвечает интересам России и Китая, а также интересам Индии, Бразилии, ЮАР и, конечно же, Сербии, так как речь идет о финансовой деамериканизации мира.

Банк развития БРИКС, как новооснованная финансовая институция станет важным фактором установления финансовой монетарной автономии стран с развивающейся экономикой, благодаря диверсифицированным формам финансирования, основывающимся на солидарности. В этом контексте, деятельность Банка развития БРИКС должна была бы привести к децентрализации экономики и возрастанию финансовой мощи, весьма важной для создания долгосрочных связей между инвесторами и для ускорения экономического развития. Для стран с развивающейся экономикой – основателей этой международной финансовой институции, Банк развития является альтернативой капиталистическому и гегемонистическому господству МВФ и Мирового банка. Новая финансовая институция стран БРИКС увеличит значимость валют стран-участниц, в первую очередь рубля, юаня, реала и рэнда.

Страны БРИКС, вероятнее всего, в 2015 году создадут альтернативные финансовые институции: собственный Монетарный фонд, Банк развития и совместные валютные резервы с основным капиталом в 100 млрд. долларов для каждой из них (пропорционально объемам национальных экономик). В этом плане страны БРИКС должны были бы развивать экономическое сотрудничество без посредования доллара. Совместные валютные резервы, таким образом, явились бы своеобразным обеспечением, особым видом сбережений в случае, если некоторые из стран БРИКС столкнутся с финансовыми трудностями, суффицитом и диспропорциями платежного баланса, ухудшением внешней ликвидности, резкой и нежелательной девальвацией национальной валюты, высоким уровнем отлива капитала или кризисом банковского сектора. Банк развития, как альтернатива Мировому банку, в отличие от совместных валютных резервов, будет заниматься институциональным финансированием зарубежных, а не отечественных проектов; так как собственные проекты все страны-участницы БРИКС могут финансировать самостоятельно, как например, Россия, которая для таких целей располагает собственными средствами Фонда национального благосостояния.

Стратегическое партнерство России и Китая направлено на создание мультиполярного мира, который авансирует часть необходимой инфраструктуры тридцатилетним газовым соглашением стоимостью в 400 млрд.доллароов. Идея создания многополярного и мультикультурного мира повлияла на желание отдельных государств присоединиться к БРИКС

(Аргентина, Мексика, Иран, Казахстан, Индонезия, а также Израиль, Турция, Молдавия, Армения и Киргизия). Их заинтересованность увеличилась, когда страны БРИКС заключили соглашение о создании резервного валютного фонда в размере 100 млрд.долларов для страховки на случай нестабильности на финансовых рынках. Финансовые организации стран-членов БРИКС уже намереваются увеличить помощь в целях укрепления валют стран-участниц: рубля, юаня, реала, рупии и рэнда.

В настоящее время только одному Китаю удастся сэкономить и инвестировать почти половину своего валового национального дохода (так как текущий баланс представляет собой разницу между сбережениями и инвестициями). Получение положительного сальдо внешней торговли высоких размеров превращает Китай из глобальной фабрики в глобального инвестора. Существует опасность, что для избежания ловушек глобальной экономики понадобится третье Бреттон-Вудское соглашение, так как способность финансовых рынков абсорбировать мировой капитал достигла верхнего предела, поднимая вопрос – кто будет управлять мировым дефицитом. Только лишь большие объемы дешевого российского топлива, сопровождающиеся инфраструктурными инвестициями и созданием новых рабочих мест гарантируют долгосрочный экономический рост.

Путинская макроэкономика плодотворна, темпы экономического роста относительно высоки и составляют 7-8%. Кроме того, валовой национальный доход России в 2013 году достиг 2.513 млрд.долл. или 14.800 долларов на душу населения. Российские валютные резервы составляют 511 млрд.долларов, хотя Путин снизил государственный долг с 78% валового национального дохода на всего 8% (100 млрд.долларов долга было списано беднейшим странам – их 23, и 150 млрд.долларов долга СССР взяла на себя Россия). Средние пенсии возросли до 10.000 рублей (1 евро=44 рубля), а средняя заработная плата – до 29.960 руб. Средства государственного бюджета России увеличились в 22 раза, а военные расходы – в 30 раз. Вывоз продукции военно-промышленного комплекса составил свыше 20 млрд.долл. Путин отказался от неолиберальной экономической модели, создал сильный государственный сектор, блокировал наносящую вред приватизацию, национализировал 65% нефтяной промышленности и 95% газовой, восстановил сельское хозяйство и модернизировал индустрию.

II

Глобальный финансовый кризис привел к разногласиям между МВФ и ЕС. МВФ, например, считает, что модель экономического роста исчерпала себя. До недавнего времени МВФ выступал за полную финансовую либерализацию и открытие внутренних рынков для зарубежных кредиторов,

инвесторов и банков. Сейчас же он рекомендует ограничивать приток зарубежных кредитов, финансово стимулировать оздоровление экономики, повышать защиту внутреннего рынка от иностранной конкуренции в целях увеличения объемов внутреннего производства товаров как для внутреннего потребления, так и для вывоза. Европейский союз же противится настоятельным требованиям МВФ и опирается прежде всего на экономический рост путем евроинтеграции, либерализации торговли, дерегуляции финансовых потоков, замены национальных валют на евро, стимулирования кредитования отечественных экономик и домашних хозяйств, усиления финансовой поддержки из многосторонних и государственных источников. Для нас исключительно важно то, что Валютный фонд осознал, что существующая модель экономического роста, основывающаяся на потреблении, финансовых услугах и иностранных капиталовложениях, неприменима в период пострецессионной трансции. Поэтому, новая модель нашего экономического роста должна опираться на стимулирование сбережений, инвестиций и вывоза, рыночную переструктуризацию государственного сектора, реиндустриализацию и устойчивое развитие сельского хозяйства. Это проект „бомбардировки ядра сербских глупостей“, в котором афоризмы – наэлектризованные частицы развивающего духа криминализированной экономической политики и коррумпированных финансовых услуг. Но переход в заложника кандидатуры (за вступление в ЕС) опасен, поскольку миф об „обещанной интеграции“ уничтожен эгзистенциальным кризисом ЕС, подорвавшим его авторитет и отодвинувшим на второй план его собственное расширение.

В финансовом вихре, незнающий границ и государств глобальный капитализм принес анархию корпоративных диктатур и ускоренную экономическую гибель целому миру. Порочная связь демократии и долговой кабалы есть прямое последствие тнз. „плохой экономики“ (*Napolitani*), которая во всем мире властвует над жизнью и смертью. Нобелевское примечание о том, что экономия должна ориентироваться на услуги и что структура собственности является фундаментальной детерминантой прибыльности, отрицательно сказалось на практике: неинвестирование в государство породило преступность, что и было целевой функцией тнз. корпоративных прямых инвестиций в пилуле структурной адаптации, конкурентности, либерализации, приватизации и дерегуляции, а также и разрушительную эксплуатацию дешевого сырья и беспардонный рост безработицы. Капитализм, таким образом, есть производитель безработных, а глобализм – производитель голодных по формуле глобалистического империализма.

Неолиберализм, на первый взгляд, выступает как теория, утверждающая, что благополучие человека может быть улучшено, если разрешить свободу предпринимательства и выражения способностей индивидов в институциональных рамках, которые характеризует право собственности, свободный рынок и либеральная торговля. Роль государства состоит в создании институциональных рамок, гарантировании качества денег и в деятельности в нерыночном секторе (нпр. социальная защита). Государственное вмешательство должно быть минимальным. Такая ориентация опробовала пути экономической конфигурации, выхваченной из корзины прошлого, в котором государство ориентировалось на полную занятость, экономический рост и социальное благополучие.

Целью неолиберальной риторики являлось разделение либертарианизма, политики идентичности, мультикультурализма, нарциссоидного консюмеризма, личной свободы и общественной справедливости, в противовес проведению регуляторной политики государства. Так начался новый этап капиталистического реструктурирования, в ответ на кризис накопления капитала посредством инструментов новой стратегии дефляции, соединенной с регрессивной редистрибуцией доходов и богатств.

Социальная политика практически была передана в руки владельцев ценных бумаг Уолл Стрита, в то время как нововведенная политика срезания огромного бюджетного дефицита предназначалась для достижения низких процентных ставок. Было ускорено возвращение Волкера к монетаризму и назначение кадров в агентствах, настроенных против регуляторного государства, для того, чтобы государственная собственность без труда могла переходить в частные руки, а производство обеспечивало присвоение высокой субвенционированной прибыли.

Гибкость принимаемых мер на рынке труда позволила всем выгодам, получаемым вследствие возрастания флексибельности и распределения рабочей силы, перейти в капитал. Безработица росла пропорционально неолиберальной риторике о добровольной незанятости, возрастающей из-за того, что „резервная цена“ рабочей силы слишком высока.

Эти новые идеи были поддержаны всеми престижными университетами, великодушно финансируемыми на средства корпоративных фондов. Университеты, бизнес-школы и институты превратились в центры неолиберальной ортодоксии, которые обучали экономистов со всего мира, особенно экономистов из стран транзисии и МВФ и Мирового банка, как институций международного финансирования. А это были идеалы корпоративного либерализма. Кадры, получившие новое образование, посредством продажи государственной собственности

увеличили бюджетные средства и снизили убыточный баланс государственного сектора. Придуманная приватизация со снижением расходов за счет увольнения работников, создала выгодные условия для частного капитала и деловой климат, в котором приватизация и спекулятивные доходы шли бок о бок, для чтобы реализовать цели расширения сферы личной и корпоративной ответственности и увеличения сферы индивидуальной и корпоративной инициативы в области инноваций (ради создания конкурентных преимуществ).

В нахлынувшей волне структурной адаптации и неолиберальных реформ граждане вынуждены существовать как „придаток“ рынку. Стиглиц и Кругман, выступая за реформу глобального управления с улучшенными регулятивными структурами и за более строгий надзор финансовой деятельности, остро коснулись проблемы неравенства в доходах и владении имуществом, производящей структурный кризис и дегенерирующей структурные реформы. Глобальное выздоровление экономики без роста занятости и при застойных заработках сводится, все же, к непрерывному росту финансирующего долги консьюмеризма, поскольку американская экономика (Америка О.О.О.) продолжает базироваться на огромных суммах кредитов, поддерживающих ее расточительное существование. Таким образом, то что „транзиционно“ на пути к совершенному неолиберальному миру уже распознается как ошибочная утопическая риторика неолиберализма. Идеалы неолиберальной экономики уже артикулируют желание альтернативных общественных отношений. А академические слои уже начали искать экономику, не навязывающую фундаментализм глобального рынка и не пропагандирующую идеологию экономизма, подводящего все человеческие ценности под категории рынка.

Мировой экономической кризис, вместе с внедрением неолиберального проекта, сделал видимым смещение центра тяжести глобальной экономики из производственного сектора в финансовый, как будто хозяйственная деятельность больше не является важной. Тем самым формализована примитивная личная свобода извлечения прибыли из нищеты в форме тайно придуманной частной выгоды вроде конкуренции, как ключевого стимула развития и генератора монополии. Неолиберальное ограничение демократического способа управления толкнуло финансируемое государством образование, здравоохранение и социальное обеспечение в рыночные объятия прогнанного государства и под нищий спуд бывшего государственного сектора. „Странный“ мир Стиглица все-таки возможен, поскольку бедные страны субсидируют богатые страны, точно также как бедные индивиды субсидируют ультра-богатых. Ирония в том, что США, као либерально-неконсервативное государство, и Китай, как конфуцианско-

неокейнсианское государство, создали впечатление глобально деградированного устройства по той простой причине, что США свой консьюмеризм массово финансировали из бюджетного дефицита и глобального государственного долга, а Китай свои массовые инвестиции в основной капитал и инфраструктуру финансировал посредством невыплачивания задолженности использования невозвратных кредитов.

III

Сербское неповиновение неолиберализму состоит не только в сопротивлении растущему подчинению экономической жизни законам рыночного фундаментализма, но и в сопротивлении всеми силами деградации существующих социальных прав. У нас неолиберализм политически принят в качестве естественного каркаса общества и экономики, где такая фундаментальная ценность как свобода индивида покупать и пользоваться, до бессознательности и нигилистически обсервирует нищенский код граждан.

Наше политико-экономическое чиновничество усвоило наидеструктивную форму неолиберализма; безжалостно перераспределяет общественное богатство исключительно в пользу наиболее и наитайкунизированных бизнесменов. А когда нет подходящей идеологической альтернативы, и государство начинает опираться на индивидуализм и таким образом поворачивается к богатым. В такой атмосфере государство в „борьбе“ против „такого“ неолиберализма создало новую отрасль экономики высококомпетентных активистов с софистицированными инструментами эксплуатации и десоциализации. Центр тяжести сейчас перемещается из государственного и коллективного к частному и индивидуальному только потому, что неолиберализм есть индивидуалистическая идеология, стремящаяся через транзицию укрепить гегемонию капитализма. Поэтому и кризисы в настоящее время являются мотором расширения неолиберализма, создающего капитализму возможность „оздоровления“. Это новая „креативная“ индустрия (без реиндустриализации), в которой доминируют глобальные менеджеры, региональные предприниматели и местные либерализмы на крыльях финансиализации, т.е. продажи денег как божественного товара. Реконструированное правительство, обычно имеющее дело с экономикой, которую оккупировала армия экономических аналитиков и финансовых экспертов, поднимает невообразимый гвалт в средствах массовой информации рассказами об укреплении государственного верха советниками и о знаменитых людях сербского экономического неолиберального

прошлого, парадировав перед средними сербскими министерскими доходами. Предлагает законченную европейскую модель с ролью государства в хозяйственной сфере в форме спасения от коллапса частных банков и крупных корпораций: проводит социализацию убытков и параллельную приватизацию прибыли, вводит усиленную политику экономии под названием „бюджетная консолидация“, субсидируют создание „краткосрочных“ рабочих мест и „жизненно“ оберегает высокие процентные ставки иностранных банков. Продажа денег, как „нового“ продукта финансовой индустрии, опустошила производственный сектор, породила нежелательную безработицу и увеличила тнз. стабильность, пользуясь инструментами деятельности центрального банка.

Заблуждение считать, что частная структура может быть ключевым фактором развития и отдать все в руки рынка. Только серьезная государственная стратегия, включающая государственные капиталовложения, инфраструктуру, образование и науку, сельское хозяйство, привлечение новых инвестиций и др., может рассчитывать на успех. Сербская стратегия развития не должна сводиться исключительно к европейской интеграции, ибо следует превзойти устаревшую модель ассиметричной интеграции, каковой является Европейский союз. Иначе бы вся сербская экономическая история могла свестись к двум буквам: ЕС. Поэтому Сербия и „прививается“ на периферии еврозоны.

Даже заклятый неолибералист Сакс сказал бы, что фискальная консолидация важна, но недостаточна для того, чтобы решить проблему экономической стратегии без адекватной стратегии роста. Сокращение государственной администрации и сужение государственного сектора „в длину и ширину“, само по себе не является значительным сегментом реформы. Не столько важно то, что уменьшается, сколько то, что увеличивается, и то что у нашего разумного правительства нет идеи, но зато есть разные решения для производства неудач и ошибок.

Сербии нужна экспансивная монетарная политика, но тот, кто принял решение и стал гувернёром Народного банка Сербии, не знает этого, также как и ее неолиберальный совет, который абсолютно некомпетентен в вопросах проведения монетарной политики и деятельности центрального банка. Процентная ставка обязательно должна быть ниже, как в ЕС, а колеблющийся валютный курс должен стимулировать вывоз и рост конкурентоспособности.

Народный банк проводит политику управляемого плавающего валютного курса, используя слишком высокую референтную процентную ставку и слишком громоздкие интервенции на валютном рынке. Подобная политика валютного курса с излишней либерализацией ввоза уничтожает

производство, фиктивно увеличивает валовой национальный доход (в том числе зарплаты и пенсии) и дестимулирует вывоз. Чрезмерно дорогая защита нереального валютного курса прикрывается гимнами о макроэкономической стабилизации, что и не является целевой функцией деятельности центрального банка.

Недостаточный спрос не в состоянии решить все проблемы, с которыми сталкивается правительство, особенно в условиях политики решительного „затягивания ремней“. Снижение зарплат и пенсий снижает и личное и общественное потребление, параллельно с очень слабым инвестиционным потреблением. И все это ретроспективно, бумерангом возвращается на эффективность спроса. В такой атмосфере правительство блуждает, поскольку не знает какие секторы следует активировать и стимулировать. Заискивает перед иностранными инвесторами до бессознательности. Хозяин за свои же деньги „покупает“ рабочие места у иностранцев. Тяжелее субвенции иностранным партнерам от потери отечественного государственного сектора. Возрастающее ссудное финансирование сопровождается „славу“ правительства на долголетнем пути потребительского времени.

В глобальном мире государства, одно за другим, отказываются от модели, которую так расхваливала донедавняя Европа. Интенсивно осыпается государство всеобщего благосостояния, работники все меньше защищены. Это новая модель, в которой очень заметно как растет конкурентоспособность, но совсем не видно как не растет занятость. Происходит эрозия защиты работников в форме новых моделей мини-работы, временной работы и краткосрочной работы, предоставляемой безумными работодателями неолиберального капитализма. Кризис сломил производство, снизил доходы и толкнул занятость в пропасть. Уверенность в своем рабочем месте в широко известной европейской экономике благосостояния исчезла в тот момент, когда государство ринулось спасать банки и компании, для того, чтобы не допустить падения либерализма и чтобы показать что, как будто бы, концепция государства всеобщего благоденствия не удалась – не выдержала удара финансиализации.

Принятая ООН „Повестка дня на XXI век“ (Агенда 21), была своеобразным планом действий по созданию тнз. мирового правительства и установлению нового мирового порядка, с целью дать международной элите возможность осуществить свои фундаментальные цели, такие как например биотехнологический контроль над популяцией и абсолютный контроль над водой, землей, растениями, минералами, инфраструктурой, производственными средствами, образованием, энергией, информацией и человечеством. По сути, Агенда 21 ООН излагает видение

централизованного управления глобальным обществом и демаскирует глобальный геноцид под зеленой маской, для того, чтобы под прикрытием мантры об устойчивом развитии произошло исчезновение незаконченных государств и был введен тоталитарный порядок с манипулятивными техниками взятия власти и новой сутью меняющегося механизма управления миром, основывающегося на идеи коммунизма – фабианской модели.

Глобализм является генеральной идеологией экспансии неолиберального капиталистического порядка, связанной с десуверенизацией национального государства, экономики и культуры, направленной на осуществление планетарной гегемонии в форме исторически закономерного процесса экономического, финансового, технологического и информационного взаимосвязывания людей и наций ради создания процветающего общества и улучшения жизни как универсальной ценности.

Но тот же самый глобализм позволил, чтобы почти половина населения планеты (свыше 3 млрд.людей) существовала на меньше чем 2,5 доллара в день, и чтобы по меньшей мере 90% населения планеты существовало на меньше, чем 10 долларов в день. На долю беднейших (около 40% численности всего населения) приходится 5% глобальных доходов, а богатые (20%) держат в своих руках $\frac{3}{4}$ мирового количества денег. Только в США годовая зарплата среднего работника составляет 35.239 долларов, а среднего директора – свыше 11,7 миллионов в год.

В настоящее время в глобальном мире никто не может быть назначен на государственную должность, если не образован и обучен таким образом, чтобы быть ментально абсолютно готовым к служению планетарной олигархии, для которой деньги являются божественной ценностью и важнейшей потребностью современного общества. Это та новая виртуальная финансовая школа продажи денег или, еще точнее, продажи всего и вся за деньги. Деньги это невидимая форма ведения войны и порабощения. Глобальная финансовая сеть обманщиков, служащая для подрывания государственных экономик, которая, наподобие троянского коня внедряется в хозяйственную систему в виде инвестиций и, точно также как и оружие, разоряет и самые преуспевающие экономики.

Скрытая супергруппа, состоящая из 147 взаимосвязанных корпораций контролирует 40% мирового богатства: 75% компаний этой супергруппы – банки и финансовые институции, фактически управляющие миром. Финансы, страхование, посредование, недвижимость, услуги, аренда и лизинг (т.н. Финансовая индустрия) составляют около 21% валового национального дохода США. И здесь не создается какая-либо новая ценность или что-то производится. Сферой этих видов деятельности является лишь эффективное распределение, силу которого поддерживают „напечатанные“ триллионы

долларов и ежемесячное потребление американского правительства, составляющее 200 миллионов долларов, которых не существует.

IV

В настоящее время экономика является неестественной масонско-протестантской религией мондиалистического направления, что особенно относится к ее филиалу – либерализму, в тени тнз. невидимой руки. А свободный, безграничный и безнравственный обмен придуман не для того, чтобы худые растолстели, а для, чтобы богатые „понахватались“. Школа масонской политэкономии и ее выдающееся отделение под названием „либерализм“ с тех пор разрослись в пышные джунгли на асфальте Уолл-Стрита. Таким образом право сильнейшего превратилось в универсальный закон природы, названный свободными каменщиками невидимой рукой, которой доверено вести всех в лучшее будущее и алчными руками которых устроен настоящий планетарный балаган. Так реализуются естественный закон сообщающихся сосудов, в соответствии с которым экономическая политика – своего рода переливание из пустого в порожнее. Автобус сам выбирает наилучший путь или, в переводе: свободная рыночная экономика сама себя регулирует. Здесь невидимая рука создает национальное богатство и демократически распределяет каждому по заслугам. Этому их учили в Йеле и так нам сейчас они продают свое знание, хотя заранее известно, что налоги увеличатся и что увольнений с работы будет больше, что заработные платы будут все меньше, а пенсии все тоньше, что бедные будут еще беднее, а болезненные реформы окажутся смертельными, и что затягивание ремней перейдет в затягивание петли на шею. Однако народ не пьет смиренно воду из ладоней Великого брата, а готовит замену экономического орудия своим классическим орудием на просторах новой теоремы заговора против бедных, для того, чтобы определенно снести раздутый и незнающий границ плодотворный неолиберализм, безумие иностранных инвестиций любой ценой и разнузданную распродажу всенародного богатства.

Евросоюз строится на иллюзии процветания и лучшей жизни, хотя в действительности утверждает свой деструктивный порядок на принципах монополистического капитализма и господствования капитала над людьми и рабоче-потребительской массой. ЕС это не демократическое объединение народов, а форма интеграции европейских мультинациональных концернов. Экоцидный капиталистический империализм производит рост преступности и незанятости, разрушение государства всеобщего благоденствия и социальной защиты, уничтожение окружающей среды, экстремизм,

разрушение семьи, торговлю людьми, и, внедряясь в хозяйственную систему в форме инвестиций, подобно оружию разорвет и уничтожает экономику.

Если в конце 2015 года ЕС подпишет соглашение о формировании трансатлантического торгового союза (ТАФТА), европейский континент безусловно окажется в когтях мегакорпораций, наделенных полномочиями общегосударственных прерогатив. Поскольку устранение барьеров ведет к ликвидации всех существующих стандартов, связанных с производством продуктов здорового питания, размером зарплат и охраной окружающей среды. Именно поэтому финансовые интеллектуалы стремятся предотвратить заключение соглашения об отмене государственного суверенитета в пользу суверенитета мультинациональных корпораций. Под удар попадают и базичные виды общественных услуг, такие как например, образование, социальное обеспечение, здравоохранение, право на пенсии и пособие по безработице, культура и т.д. Платформа против трансатлантического соглашения представляет собой платформу против установления мирового правительства, функционирующего по принципам торговых норм мультинациональных компаний (около 500 крупнейших), контролирующих почти половину мировой экономики (Тойота в финансовом отношении сильнее Израиля, Экстон сильнее Австрии, а Уолл Стрит – Греции).

Евросоюз нельзя ни поправить, ни реформировать. В институциональном смысле он должен пропасть и потому следует дать ему пропасть самому по себе и после этого создавать Европу свободных европейских регионов, экономический суверенитет которых будет выше европейских директив с подчеркнутым экономико-социальным патриотизмом и таким образом предотвратить уничтожение национальных идентичности глобализмом.

Европейский союз это классический пример универсальной монархии, в которой господствует евро, уничтожаются национальные экономики и растет специфичный класс еврократии, имеющей все глобальные и структурные признаки интегрального управления без суверенных государств, народов и индивидов, в которой у капитала нет своего отечества по тем же экономическим причинам, и в которой прибыль выступает ультимативной ценностью, возвышающейся над жизнью и деятельностью каждого человека. Это целенаправленная, неимеющая границ глобализация детерриторизированной и деполитизированной экономики, обладающая монополистическими правами планетарного экспортера абсолютного капитализма экономической хунты ЕС, как высшая стадия неолиберализма и делирия, неограниченного распространения фанатизма экономики американского супериоризма. Между тем, концептуальная трещина во франко-германской экономике, как стержне Евросоюза, минимальные темпы

роста экономики, рекордная безработица, наплыв беженцев, неясный курс хозяйственного оздоровления стран-участниц, укрепившийся доллар и рост контроля американских банков над всеми банковскими операциями во всем мире (в целях предотвращения уклонения от уплаты налогов) – „глобальные“ причины, по которым инвесторы избегают Европу и из-за которых международный бизнес перемещается на восток.

Поскольку все европейские банкиры находятся в состоянии междоусобной банковской войны, начиная с ноября 2014 года Европейский центральный банк берет на себя контроль над работой всех важнейших банков Европы, как банк над банками и мать европейской банковской деятельности, который управляет общей валютой, осуществляет контроль над инфляцией, выпускает деньги –находящиеся в обращении евро, контролирует работу банков и государств, вмешивается в вопросы сбалансированности банковской деятельности, определяет монетарную политику и детерминирует экономический рост в еврозоне (не взирая на банковский стресс в банковском деле Европы и репозиционирование репутации в европейском банковском секторе). Являясь второй по величине мировой экономической силой, ЕЦБ определяет монетарную политику тринадцати мощнейших государств, на которые приходится 15% мирового валового продукта.

V

ЕАЭС располагает рынком численностью в 170 млн человек, пятой частью мировых резервов газа, одной шестой частью нефтяных резервов и почти таким же процентом материковой части планеты. Формирование ЕАЭС фактически означает создание мостов между Атлантическим и Тихим океаном и Индийским и Северным Ледовитым океаном, через которые беспрепятственно перемещаются товары, услуги и капитал. Каждый гражданин ЕАЭС имеет право жить и работать на территории союза без каких-либо органичений, барьеров или разрешений.

Средства теневой банковской системы Китая в течение 2013 года возросли до суммы, превышающей совокупные средства финансовой системы США. Поэтому Америка заблуждается, ожидая, что правительство Китая повысит процентную ставку, девальвирует юань и снизит расходы на социальное обеспечение. Рассматривая движение денежных средств можно заметить, что Китай, по сути, является крупнейшим мировым кредитором, а США – крупнейшим должником. Поэтому Россия и Китай требуют утверждения новых мировых денег в виде корзины валют крупнейших мировых производителей и экспортеров. Таким образом, дедолларизация это

новый продукт стран БРИКС после 88 лет господства доллара, печатуемого частной банковской организацией, на которую никто не может оказывать влияние.

Почти во всех странах-участницах Евросоюза рост валового национального дохода на душу населения сопровождался огромным ростом цен, в форме увеличивающейся государственной задолженности, превышающей темпы роста валового национального дохода. Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Румыния, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения и Хорватия – европейские страны, фактически живущие в кредит. Зарубежный государственный долг этих стран возрос почти вдвое в результате только самого акта вступления в ЕС. Таким образом, все экономические успехи финансированы за счет задолженности будущих поколений, которых вообще и не спрашивали согласны ли они с таким безответственным впадением в долги (ведь именно они должны будут расплачиваться за них за счет еще не полученных доходов). Это недвусмысленно говорит о том, что членство в ЕС по дефиниции связано с ускоренным ростом иностранного баласта государственной задолженности, имеющей тенденцию к автоматическому увеличению пропорционально росту процентных ставок. Те же самые страны-должники вынуждены сейчас просить помощи у знаменитого МВФ, который принимает жесткие меры по экономии и не дает им возможность приблизиться к рынку капитала, для того, чтобы получить выгодные кредиты, необходимые для рефинансирования финансовых обязательств и, особенно, для инвестирования в будущий экономический рост. В этом плане ЕС должна произвести изменения и ориентироваться на социальную рыночную экономику. ЕС должна развиваться в направлении рефедерализации, т.е. создания монетарного, фискального и банковского союза, а также трансферного союза, т.е. перераспределения части валового национального дохода в пользу бедных стран-участниц.

Сегодняшняя Европа представляет собой поистине Якобинское образование, в соответствие с которым нациям и регионам постепенно отнимается суверенитет. Ошибочная концепция ЕС о формировании своеобразной империи на антиимпериалистической основе противоречит практике традиционного империального государства, образующегося как наднациональный федеральный союз. Поэтому необходимо из сегодняшнего якобинского европейского государства создать децентрализованную федерацию или конфедерацию на принципе субсидиарности и значительной региональной автономии с местными и региональными структурами. Поэтому европейское единство не следует больше рассматривать сквозь призму свободного рынка и перемещения капитала, а исключительно сквозь

призму культурной, духовной и традиционной идентичности. К тому же необходимо повернуть в обратном направлении процесс децентрализации мощи у Евросоюзе, развернутый под эгидой борьбы против экономического кризиса и рецессии в целях переноса полномочий с регионов и государств на брюссельскую администрацию и вездесущую Европейскую комиссию.

Сепаратистские европейские движения имеются в настоящее время в Швеции, Норвегии и Финляндии, так как лопари требуют создания собственного государства. В Испании постоянно растет сепаратизм в Басконии, Каталонии, Андалузии, Арагону, Астурии, Кастилии, Галисии, на Канарских и Балеарских островах. Во Франции сепаратистские движения имеются на Корсике и Бретании, Алзасе, Ницце и Савойи. В Италии за федерализацию выступают в Южном Тироле, Венето и Сардинии. Шотландия желает отделиться от Лондона, а вторит ей и Уэльс. Фламандцы и валонны в Бельгии, а также Фландрия на том же пути. Не удовлетворены своим статусом Фарерские острова в Дании. Фронт освобождения Юры требует независимости от Швейцарии. Венгры в Трансильвании и Азорские острова в Португалии также требуют „своего“. Евросоюз и здесь не дал ответы с релевантными решениями, так как брюссельской бюрократии отвечает только высокая степень централизации со скрытой рецентрализацией прерогатив национальных государств, как членов, которые должны лишиться своей суверенности и идентичности.

Совершенная „деполитизация“ экономики в Евросоюзе все-таки воплощена, как еврократский запас для современного владения капиталом, так как его объединение покоится исключительно на фундаменте европейского центрального банка, отдающего приказы лишенным суверенности государствам, вместе с навязыванием посредством политического ультиматума обязательного выполнения соответствующих мер. Евро как единая валюта является вторым столбом абсолютного капитализма, с помощью которого еврократия, как новый вид экономической власти, управляет и распространяет неолиберализм как европейскую империальную модель. Если говорить об ЕС как о проекте, фундаментальной ценностью которого является прибыль, то это дает ЕС возможность исключить из управленческих структур демос, с целью создания нереального мифа об ЕС как о будущем рае супергосударства, устанавливающего доминацию религии денег. На самом деле речь идет о финансовом государственном ударе, в котором транснациональные финансовые институции взяли на себя право неоментального устанавливания финансовых правил. В сердце финансиализации старого континента, евро, как элемент динамики капитала, является утонченным средством господства в политике создания государственных долгов и банковских процентов в целях

установления настоящего долгового рабства, которым ловко управляет ЕС и его тнз. *Fiscal compact*, покоящийся на святых догмах об уравниловке бюджетов и балансов и погашении долгов. Поэтому, в качестве единой европейской монеты евро обеспечил переход власти в руки экономистов – „специалистов без интеллигенции“ и агентов финансового фанатизма из спекулятивной фазы, для того, чтобы динамика капиталистической мондиализации обеспечила монетаризм рынка, овеществленный редуционизм и реализацию идеи одного, мирового государства. Банк пользуется исключительно чужими деньгами и, по правилу, преступен по природе. Глобальный кризис и разразился в банковском секторе, поскольку банковская система функционирует без соответствующих нормативных рамок.

Вашингтонский консенсус и триумф неолиберальной концепции разрушил государство всеобщего благоденствия для того, чтобы макроэкономическая политика могла создаваться в канцеляриях МВФ и для того, чтобы хищные инвестиционные фонды вызвали экономическое опустошение невиданных размеров. Длительное на протяжении десятков лет увеличение внешнего долга иностранным инвесторам (механизм регулируемый МВФ) профилировал вашингтонский экономический убийца, увеличивающий за счет кредитов богатство (благополучие), а одновременно и несчастье населения. Эта новая система управления инвестициями, придуманная для управления кризисным рабством, представляет собой новый этап в экономическом глобализме.

Америка бесконтрольно передала печатание своей валюты консорциуму частных банкиров, от которых под неразумно высокие проценты безумно занимает деньги, необходимые для функционирования экономической и финансовой системы. Пугающая капиталистическая экономика функционирует за счет долгов частным банкам. В настоящее время решения о легких деньгах принимает консорциум частных банков через ФРС (Федеральную резервную систему США), который и вызвал финансовый кризис, финансируя рынок финансовых дериватов. Для выхода из кризиса ФРС уже „инвестировал“ 3,1 триллиона долларов. 97% этой суммы ушло на спекулятивные цели, так что болезнь финансиализации американской экономики доведена до крайности. Легкие деньги приходят из банковского сектора, как долг, и снова возвращаются в банковский сектор, как средство для финансовых спекуляций. Поэтому банковский сектор развивался в 30 раз быстрее реальной экономики американского общества, в которой „индекс нищеты“ (как сумма процента безработицы и реального процента инфляции) достиг 32,89. В сущности, „легкие деньги“ создают „ложные ценные бумаги“ на рынке финансовых дериватов, стоимость

которых достигла шокирующую сумму в 710 триллионов долларов, почти в 10 раз превышающую сумму мирового валового продукта, составляющего 72,6 триллионов долларов. Так функционирует американское правительство, продавая казначейские обязательства и двигаясь навстречу экономическому коллапсу. Сейчас ФРС и здесь применяет свои трюки. Например, появляется из Бельгии мистериозный и фиктивный покупатель непроданных казначейских обязательств, стоимость которых превышает сотни миллиардов долларов. ФРС находит покупателя и всю сумму, на которую осуществляется операция купли-продажи, электронным путем вносит на позитивную сторону сальдо ФРС. И кто может проверить истинность этой простой операции? Особенно в условиях невидимой и необъявленной финансовой войны.

Фундаментальные американские ценности представляют собой сложную систему, в которой доминируют личный успех, свободное предпринимательство, богатство, деньги, конкуренция, вера в собственные силы, успех любой ценой и либерально-демократический порядок как институциональные рамки для пропаганды универсальных ценностей. В этом контексте, идеология либерализма является поддержкой рыночной экономике.

В реформах МВФ акцент всегда делается на экономию, как неизбежный формат, применяемый в виде шоковой терапии. Можно сказать, что этому международному финансовому картелю необходима финансово устойчивая нация, такая как например Сербия, которая уже свыше 15 лет без альтернативы интравенно потключена на займы МВФ и Мирового банка.

Экономическая рациональность рыночной идеологии поддерживается на территории без границ, производя анонимную глобалоократию, творение, неимеющее своей территории и государства, экономия которого освободилась от регуляционного вмешательства. Экономизация ввела административное управление социальной сферой и биополитическое управление жизнью. Дерегуляция и минимальное государственное вмешательство представляют собой шифр автономизированной экономики.

Глобалистическое и мондиалистическое господство выросло из корня универсальной монархии неолиберализма и постмодернизма, как всепроникающая форма контроля и доминации современного капитализма, абсорбирующего совокупное государственное и личное пространство. Тоталитарный характер этого господства проистекает из финансовой мощи капитала и постоянного роста прибыли. Эта глобальная система управления сплела сеть десоверенизации государств и криптоэлит капитала, превращающих знание в товар и рыночный обмен ценностями.

Утилитаристический взгляд на мир уничтожил, таким образом, образование, науку, здравоохранение и культуру.

Заключение

На мировой экономической сцене господствует коллекция циников, которые креируют и навязывают экономические теории посредством „плаченных“ проектов транзиции, приватизации и либерализации в форме глобализации „незнания“ и мондиализации „преданной профессии“. Поэтому люди не уважают МВФ, ибо „он не выполняет свою работу должным образом“, требует введения мер фискальной экономии, увеличения налогов, срезания государственных расходов и сокращения бюджетного дефицита, с одной стороны, и структурных реформ, с другой, как предварительного условия получения займов для восстановления пострадавших от кризиса экономик. „Работай больше, чтобы зарабатывать меньше“ – новый девиз для лишенных прав и униженных работников процесса транзиции и глобализма от Нью-Йорка до Токио. Деньги это то, что заставляет людей продавать себя. Работник таким образом превращается в дешевый товар, т.е. сырье, которое становится тем дешевле, чем дольше работает и больше производит. Либеральный фундаментализм МВФ сегодня в каждом государстве транзиции создал два государства: государство богатых и государство бедных. Транзиционный глобализм представляет собой аккумуляцию богатства, последствием которого является аккумуляция нищеты. Таким образом, вновь, причем уже в третий раз, произошло падение экономической науки. Пришел конец эре либеральной рыночной модели, так как за спиной рискованного казино-варианта капитализма больше не стоит его ортодоксный защитник – либеральная позиция МВФ. И только Сербия слепо придерживается „испорченного“ менеджмента транзиционной рецессии из времен первоначального накопления капитала с нормальным якорем инфляции, безработицы, бюджетного дефицита, государственной задолженности, кредитного рабства, по концепции „отстающей в развитии“ экономики, печально известного корпоративного управления и глобального империализма транснациональных корпораций.

„Повестка дня на XXI век“ (Агенда 21), уже осуществляет стратегию действий по отниманию всего на планете со стороны глобальной корпоративной системы во главе с мировым правительством, что в принципе является тотальным подчинением общества, государств, экономики и людей в целях установления тоталитарного контроля над ресурсами, приватизации богатства человечества и депопуляции планеты, производимых под тнз. зеленой маской и оруэлловским конструктом устойчивого развития. Это новая тоталитарная схема абсолютного контроля над водой, землей,

растениями, животными, минералами, инфраструктурой, производственными средствами, образованием, энергией, людьми и т.д. В этом контексте, особенно важно денационализировать образование, направляя его развитие по принципу моделирования сознания для создания нового человека и нового мира, и формирования новой силы для управления людьми. Причем на новых принципах финансиализации.